

ИНТЕРВЬЮ

"Мы находимся в самом разгаре войны полного спектра". Интервью с вице-президентом Центра анализа европейской политики Кристофером Уокером

Рэй Фурлонг RFE/RL Настоящее Время

21 октября 2026 года 13:24 мск

Кристофер Уокер – вице-президент Центра анализа европейской политики (СЕРА)

Кристофер Уокер – один из самых влиятельных исследователей в области авторитарных режимов – [вице-президент](#) Центра анализа европейской политики (СЕРА). Центр недавно запустил новую программу, направленную на противодействие глобальной "теневой войне", которую такие страны, как Россия, Китай и Иран, ведут против Соединенных Штатов и их союзников.

"Российские власти давят сильнее, чтобы сломить Европу"

– Мы с вами разговариваем в Праге, всего через пару дней после того, как глава чешской разведки [присоединился](#) **i** к множеству обеспокоенных голосов в европейских странах НАТО, которые [говорят](#), что именно потому, что Россия увязла в Украине, она усиливает "теневую войну" против них. Вы разделяете эту точку зрения?

– Думаю, это верно. Я думаю, что с самого начала полномасштабного нападения России на Украину в феврале 2022 года мы недооценили то, что это нападение дополняется "теневой войной", которую Россия ведет по всей Европе, и неотделимо от нее. И в каком-то смысле это два связанных фронта одной и той же более широкой борьбы, которую Кремль ведет против Запада.

– Я думаю, большинство наших зрителей понимают, что мы имеем в виду, когда говорим "теневая война" **i**. Тем не менее, может быть, вы можете это коротко объяснить.

– Это отличный вопрос. Думаю, сейчас в публичном пространстве существует целый ряд терминов. Иногда эту войну, которая не превышает порог военного реагирования, описывают как "гибридную войну" или "войну в серой зоне". Мы считаем важным выделить [несколько элементов этой "теневой войны"](#): это кампании, они согласованные, и у них есть кинетические последствия. Это не полноценная, конвенциональная, интенсивная война с танками и самолетами. Но тем не менее — это часть самой настоящей войны, которую Россия ведет против Европы и Запада.

– То есть, это такие вещи, как [дроны](#) в воздушном пространстве стран НАТО...

– ...[диверсии](#),

– Диверсии...

– [Покушения](#) **i** или успешные убийства, которые мы наблюдаем более полутора десятилетий, если вспомнить, как Россия преследовала, а затем убивала российских граждан на территории Великобритании.

– То есть, на самом деле, это совсем не новое явление. И дезинформация, очевидно, большая часть того, о чем мы сегодня говорим.

– Когнитивная война и использование очень [мощной информационной инфраструктуры](#)
– важнейшая часть этого.

– В чем смысл этого с точки зрения Кремля?

“ Путин будет добиваться пересмотра порядка, сложившегося после холодной войны

– Думаю, на оперативном уровне это довольно недорогой способ влиять на более сильных противников. И Кремль думает об этом именно так. В более широком смысле, очевидно, что российское руководство стремится расколоть трансатлантический Альянс и Запад в целом.

Это не секрет.

Владимир Путин ясно дал понять, что так или иначе будет добиваться пересмотра порядка, сложившегося после холодной войны, другой роли для России, и это один из главных инструментов для реализации таких амбиций.

– То есть, цель – заставить общественное мнение, политическое общественное мнение в Европе усомниться в том, что России надо противостоять?

– Думаю, это часть амбиции. Повысить издержки для европейского общества и заставить людей задуматься, стоит ли оно того и могут ли они продолжать оказывать поддержку Украине. В то же время, думаю, нам надо обратить внимание на то, как часть этих усилий обернулась против них самих. По сути, сейчас мы видим, как Европа сплачивается и делает инвестиции, которые отвечают как ее собственным интересам, так и интересам трансатлантической безопасности, более широким трансатлантическим интересам безопасности Европы, поддерживая Украину и следя за тем, чтобы Россия не добилась успеха. В каком-то смысле мы находимся ключевой точке, когда российские власти явно давят сильнее, чтобы сломить Европу или заставить ослабить поддержку Украины. И я думаю, что ответ Европы, по крайней мере на этот момент, довольно стойкий и решительный.

– То есть вы считаете, что эти усилия быют по ним самим, а не приносят успех?

“ Европа остается стойкой в своих вложениях в Украину. Но это борьба будет долгой

– Думаю, на данный момент это так. Но я хочу подчеркнуть, что эта история еще не закончена. Мы находимся в самом разгаре войны полного спектра: полномасштабная война в Украине; "теневая война" по всей Европе, которая усиливается: больше диверсий, ударов по

железнодорожным линиям, дронов, начиненных взрывчаткой, и покушений. Судя по тем показателям, за которыми следим мы и другие организации – этого становится больше. Все очень серьезно. Сейчас нас может подбадривать то, что Европа остается стойкой в своих вложениях в Украину. Но это борьба будет долгой, и российские власти непременно будут усиливать свои посягательства во всех этих сферах.

"Многие европейские страны не прислушивались к предупреждениям Балтии"

– Возможно, нет другой такой части Европы, которая была бы больше сосредоточена на этой "теневой" кампании и больше обеспокоена ею, чем страны Балтии. Как вам кажется, можно сказать, что их опыт и то, как они реагируют, не находит понимание в других регионах?

– Думаю, справедливо сказать, что это так. Если посмотреть на прошлые десятилетия, страны Балтии очень трезво оценивали угрозу в то время, как многие другие европейские страны оставались слишком спокойны и не прислушивались к предупреждениям Балтии. Сейчас мы их догоняем, и, безусловно, к позиции стран Балтии, находящихся на передовой и обладающих уникальным опытом, следует прислушиваться весьма внимательно.

– Если взглянуть на реакцию Запада в целом, как в странах Балтии, так и в других частях Европы, как она выглядит?

“ Путин понимает: его легитимность держится на продолжении войны

– Как я уже говорил, в более широком контексте, эта история еще далека от завершения. Нам потребуется проявить стойкость и решимость, поскольку для российского руководства это – борьба, от

которой зависит само существование режима. Полагаю, Владимир Путин прекрасно понимает: сегодня его легитимность держится на продолжении войны. Именно поэтому мы видим попытки имитировать перемирие или создать видимость снижения интенсивности боевых действий – но без каких-либо реальных шагов к окончательному урегулированию. В конце концов, если Россия прекратит воевать, война закончится. Если же Россия продолжит воевать, а Украина остановится – тогда перестанет существовать Украина. На мой взгляд, в этом заключается ключевая особенность данного противостояния. А значит, демократические государства, свободные общества должны участвовать в нем, соразмерно той угрозе, которая исходит от России.

– Я спрашиваю об этой реакции Запада, поскольку звучат критические мнения о том, что она недостаточно жесткая. Что слишком часто, если взять, к примеру, случай с российским беспилотником, начиненным взрывчаткой, в аэропорту Лейпцига [i](#), реакция Германии сводится к мерам против культурных центров, дипломатов и тому подобного. Адекватный ли это ответ? Должны ли они предпринять что-то большее? Это лишь один пример. Есть и множество других. Обоснована ли эта критика?

– Думаю, что да. Необходимо предпринимать более масштабные меры – причем не только в отдельных ответных шагах. Чтобы противостоять подобной

скоординированной кампании, той самой "теневой войне", которую Россия ведет по всей Европе, нужен столь же системный и комплексный ответ. К таким действиям необходимо быть готовыми.

Глава Федеральной разведывательной службы Германии Мартин Егер совсем недавно выступил с весьма откровенной речью, в которой подчеркнул необходимость более трезвого взгляда на ситуацию и более решительных ответных мер. На мой взгляд, это важно как для дискуссий внутри самой Германии, так и для Европы в целом.

– А насколько важно единство Запада в целом? Единство между Вашингтоном и Европой – порой кажется, что там много напряженности.

– Пожалуй, можно сказать, что единство среди демократических стран исторически было непростой задачей. В этом нет ничего принципиально нового. За последние 30 лет, даже после окончания холодной войны, например, во время войны в Ираке и в других ситуациях, бывали моменты, когда это единство подвергалось серьезным испытаниям. Однако единство имеет фундаментальное значение. Споры и дискуссии по ключевым вопросам – это нормально, для суверенных свободных государств такое положение дел вполне ожидаемо. На мой взгляд, гораздо важнее наличие общей базы, единого понимания и общей оценки угроз, масштаб которых сегодня огромен.

Взгляните на ситуацию под таким углом: если бы мы обсуждали 15–20 лет назад, то, что происходит сейчас – сотрудничество между Россией, Китаем, Ираном, Северной Кореей и Беларусью – это показалось бы практически немыслимым. Конечно, это взаимодействие нельзя назвать бесшовным или идеальным, но оно весьма существенно. Это своего рода гибкие объединения, зачастую продиктованные текущими потребностями: стороны начинают сотрудничать тогда, когда это отвечает их интересам. Тем не менее, уровень этого взаимодействия – особенно в контексте полномасштабной войны против Украины – весьма значителен.

Китай, по сути, играет ключевую роль, позволяя России вести эту войну. Иран **оказывает** всестороннюю поддержку, в том числе поставляя беспилотники "Шахед", а Северная Корея **предоставляет** солдат и другие виды помощи – еще совсем недавно подобное развитие событий казалось совершенно немыслимым.

Поэтому демократическим странам необходимо достичь должного уровня единства и сотрудничества, чтобы противостоять этому вызову.

ЧИТАЙТЕ РАССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ:

Как Иран и Россия сотрудничают в области двойных технологий. Расследование "Системы"

– Существует ли такое единство в том, что касается Украины?

– Думаю, уровень единства приемлемый, но, возможно, недостаточный — особенно если учесть, насколько тесно сотрудничают и взаимодействуют между собой эти враждебно настроенные по отношению к нам страны. То есть мы держим оборону, но, чтобы ответить на этот вызов и соответствовать требованиям момента, единство необходимо еще больше укрепить.

"США должны оказывать Украине максимально возможную поддержку, включая обмен разведданными"

– Думаю, многих наших зрителей в Украине сильно беспокоят нынешние дискуссии о том, не собираются ли Соединенные Штаты прекратить передачу разведданных, которые они до сих пор предоставляли Украине. Или, возможно, они уже начали ограничивать этот обмен информацией? Насколько серьезным должен быть повод для беспокойства?

“ Важно отдать должное мужеству украинцев и той борьбе, которую они ведут — ради всех, кто живет в свободном мире

– Прежде всего, важно отдать должное мужеству украинцев и той борьбе, которую они ведут — в некотором смысле, ради всех, кто сегодня живет в свободном мире. Это стоит подчеркнуть. Тем более важно, чтобы Соединенные Штаты вместе со своими союзниками продолжали поддерживать

Украину, помогая ей защитить себя и одержать победу. Если Украина не сможет победить или защитить себя, последствия такого развития событий будут крайне тяжелыми для всех стран, расположенных к западу от нее. Владимир Путин дал это понять совершенно недвусмысленно.

На мой взгляд, Соединенные Штаты должны оказывать Украине максимально возможную поддержку, включая обмен разведданными, — и американское общество это поддерживает. Важно отметить, что, согласно многим недавним опросам, около 70% (а иногда и более) американцев выступают в поддержку Украины и оказания ей помощи.

Поэтому, как мне кажется, этот прочный политический фундамент в США позволит оказывать поддержку Украине и дальше.

– Вы общаетесь со многими людьми в Вашингтоне. Как вы считаете, существует ли там какой-то консенсус по поводу того, стоит ли Соединенным Штатам сократить разведывательную поддержку Украины, если та не прекратит атаки на российские нефтеперерабатывающие заводы?

– Не уверен, что там есть какой-то консенсус. Полагаю, это следствие глубокой политической поляризации, наблюдаемой в Соединенных Штатах. Впрочем, это характерно и для мировой политики в целом. В силу ряда причин в нашей стране возникли серьезные политические разногласия. Это, помимо прочего, затрудняет достижение того уровня единства и солидарности, который необходим Америке для противостояния весьма сильным противникам на международной арене – противникам, которые, к слову, сами действуют весьма слаженно.

Надеюсь, что жизненно важная для Украины поддержка сохранится, поскольку в США – несмотря на нынешние разногласия – по-прежнему существует межпартийный консенсус по этому вопросу.

– Правильно ли я понимаю: вы хотите сказать, что эта поляризация в американской политике сказывается на безопасности Запада и безопасности Украины?

– Не думаю, что это что-то новое. Скорее, это более острая, интенсивная фаза процесса, который мы наблюдаем в США уже далеко не первый десяток лет. И это часть стоящей перед нами задачи – нашей внутривнутриполитической задачи: сориентироваться таким образом, чтобы мы могли не только защитить самих себя, но и поддержать наших союзников, которые также играют важнейшую роль в обеспечении нашей безопасности.

– Как вы считаете, продолжит ли нынешняя администрация предоставлять разведывательную поддержку?

– Не берусь предсказывать их действия. Надеюсь и искренне желаю, чтобы они продолжили это делать. Появлялись сообщения на этот счет, но я не слышал ни одного подтверждения того, что предоставление разведданных было действительно прекращено. На мой взгляд, для США было бы разумно продолжать эту деятельность, поскольку она отвечает интересам американской безопасности.

ЧИТАЙТЕ ПО ТЕМЕ:

Украина продолжает получать разведданные от США, но предупреждения об атаке на Киев не было

– Это отвечает интересам безопасности США. Хорошо. А что насчет "теневой войны", как вы считаете, есть ли здесь четкий интерес со стороны США?

– Если позволить России и дальше проводить эти разрушительные атаки по всей Европе, которые, помимо прочего, подрывают экономический потенциал Европы (ведь логика этих атак предполагает удары по железным дорогам, по предприятиям; а сейчас появляются сообщения о планируемых покушениях на руководителей компаний, поддерживающих Украину), то необходимо провести четкую черту. Если такой черты не будет, интенсивность этих атак продолжит расти, как это, собственно, и происходит уже некоторое время. А ослабленная — экономически, политически, физически или структурно — Европа совершенно не отвечает интересам ни трансатлантического сообщества, ни самих США.

– Значит ли это, что если нынешняя администрация разделяет такую оценку интересов США, то она не станет скрывать подобные разведданные? Применимо ли это также к программе, в рамках которой европейские страны закупают у США вооружение, а затем передают его Украине?

– На мой взгляд, программу закупок вооружения для Украины ([PURL](#)) следует продолжать. Это весьма логичная инициатива: она поддерживает американскую промышленность и оборонно-промышленный комплекс США, помогая при этом нашим союзникам сотрудничать с нами и оказывать критически важную военную поддержку Украине. В этом есть полный смысл.

Система Patriot. В сентябре во время встречи на полях Генассамблеи ООН в Нью-Йорке президент Украины Владимир Зеленский заявил, что президент США Дональд Трамп разрешил передать Украине лицензию на производство ракет Patriot.

– И еще один вопрос: существует ли в Вашингтоне политический консенсус по этому поводу, или же здесь тоже проявляются те самые партийные разногласия, о которых вы упоминали?

“ Существует устойчивый консенсус относительно поддержки Украины — об этом говорят лидеры республиканцев и лидеры демократов

– Скажем так: у нас есть партийные разногласия, есть поляризация. Тем не менее, существует довольно устойчивый консенсус относительно поддержки Украины. Об этом говорят как лидеры республиканцев, так и лидеры демократов. И, как я уже отмечал, большинство социологических опросов, затрагивающих эти вопросы, демонстрируют весьма широкую общественную поддержку

подобных инициатив и самой Украины.

Китай, Иран и Северная Корея

– Хорошо. Вы также упомянули, что Россию в Украине поддерживают Китай, Иран и Северная Корея. Мы наблюдаем такой уровень сотрудничества, который, как вы верно

заметили, еще совсем недавно казался немыслимым. Насколько, по-вашему, прочен этот альянс — союз России, Китая, Ирана и Северной Кореи (или отдельные его части)?

– Мне кажется, он довольно прочен. Существует точка зрения, согласно которой это хрупкое объединение — отчасти потому, что ни у одной из этих стран нет демократической легитимности, а значит, их политический фундамент весьма зыбок. В целом я с этим согласен. Тем не менее, если взглянуть на события последнего десятилетия, то можно заметить устойчивые закономерности в поведении и действиях этих государств, что указывает на определенную прочность их связей в самых разных сферах. И это крайне важно. Речь идет о сферах безопасности, военного сотрудничества, экономики, дипломатии, а также — что я хотел бы особо подчеркнуть — об идеологическом и информационном пространстве. Здесь позиции этих стран во многом совпадают, особенно когда дело касается до нападок на Запад.

– Насколько тесно они координируют свои действия? Или же речь идет скорее о ситуативном сотрудничестве?

– Думаю, истина где-то посередине. Безусловно, существуют разные уровни координации, но, пожалуй, точнее будет назвать это гибким взаимодействием, при котором отдельные группы стран или партнеры объединяются по мере необходимости или появления подходящей возможности. При этом я не согласен с тем, что их отношения носят исключительно оппортунистический характер. Иногда можно услышать, как связи между Китаем и Россией — а также другими авторитарными государствами, входящими в эту группу, — описывают как чисто оппортунистические. Конечно, элемент оппортунизма здесь присутствует, но, на мой взгляд, это нечто большее.

“ Речь идет уже почти о полутора десятилетиях развития этих отношений

Приведу пример. С 2012 года — момента, когда Си Цзиньпин занял высший пост генерального секретаря Коммунистической партии Китая (наряду с другими должностями), а Владимир Путин вернулся на пост президента России, —

они встречались (лично или в формате видеосвязи) около 70 раз. С самого начала они активно взаимодействовали и давали своим подчиненным поручения по реализации самых разных инициатив. Таким образом, речь идет уже почти о полутора десятилетиях развития этих отношений, что, на мой взгляд, свидетельствует о чем-то гораздо более серьезном, чем просто мимолетная или поверхностная договоренность.

Президент России Владимир Путин и председатель КНР Си Цзиньпин на фотовыставке в Пекине, посвященной российско-китайским отношениям, 20 мая 2026 года. Фото: AFP

– И как бы вы охарактеризовали их отношения, этих двух людей?

“ Китай — безусловно, самая мощная машина цензуры на планете

– Думаю, между ними полное единство взглядов — я бы назвал это "общим сознанием", если говорить о самых базовых вещах. Например, оба этих лидера систематически подавляют свободу самовыражения и свободу

слова. Китай — безусловно, самая мощная машина цензуры на планете. Я готов рассказать об этом подробнее, хотя, возможно, это тема для отдельного разговора. Россия тоже не из робкого десятка, когда речь заходит о цензуре — как внутри страны, так и за ее пределами. Оба лидера придерживаются мнения, что независимым голосам и независимым политическим фигурам нет места в общественной дискуссии.

Этим объясняется жестокость, с которой они преследуют собственных журналистов, а также травля — и даже более суровые меры — в отношении журналистов, работающих на международной арене. В таких вопросах, как свобода самовыражения, политический плюрализм и экономическая свобода, ситуация в обеих странах схожа: по сути, лишь ключевые, стратегически важные секторы экономики обязаны отчитываться перед политическим руководством. Это устойчивые характеристики обеих систем, которые, на мой взгляд, в нынешнюю эпоху глобализации распространились далеко за пределы этих государств.

ЧИТАЙТЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ КИТАЯ И РОССИИ В АРКТИКЕ:
Партнерство или зависимость: что известно о
сотрудничестве России и Китая в Арктике

– Хочу также спросить вас о том, как на все это смотрят в Вашингтоне. Ведь буквально на днях президент Трамп заявил, что не верит в то, что Россия и Китай помогают Ирану в его противостоянии с Соединенными Штатами.

– Думаю, можно с уверенностью сказать: существует множество свидетельств того, что эти партнеры — пусть даже их партнерство носит довольно свободный характер — оказывают Ирану поддержку в самых разных формах. Часть этой поддержки — например, со стороны Ирана и Китая в адрес России — осуществляется уже довольно давно. Однако, если говорить о более недавних событиях, появились серьезные сведения о том, что Иран получал помощь в наведении целей, причем в сотрудничестве с Россией и/или Китаем.

К подобным вещам, на мой взгляд, следует отнестись со всей серьезностью. Если это правда, значит, эти режимы оказывали поддержку, которая могла подвергнуть американских военнослужащих опасности или даже привести к тому, что они пострадали. И я думаю, что это чрезвычайно серьезно.

– Насколько широко разделяется эта точка зрения в Вашингтоне?

– Я думаю, это относится к той же категории расколотов и раздробленной политической обстановки, где многие в Вашингтоне сегодня понимают серьезность ситуации. Поддержка, которую эти противники США оказывают друг другу, наносит ущерб интересам США, но не все согласны с этой оценкой.

– И если смотреть на такое отсутствие согласия — мешает ли оно ответу США на это продолжающееся сотрудничество?

– Это усложняет ситуацию, но я бы сказал, что с течением времени решения по важным вопросам в этих очень сложных обстоятельствах принимались в поддержку наших союзников. И Конгресс в последние годы часто выступал за санкции и другие меры, которые, на мой взгляд, были очень важны. Но это по-прежнему борьба, часть которой, вероятно, будет освещена во время предстоящих [промежуточных] выборов в США.

– А какую роль, на ваш взгляд, это будет в них сыграть?

– Трудно сказать. В большинстве стран избиратели в первую очередь сосредоточены на внутренних проблемах. Мы видим, что во многих государствах — в том числе и в Европе сегодня — вопросы экономической и физической безопасности, а также иммиграции, как правило, выходят на первый план. Разумеется, у этих проблем есть и международное измерение, но зачастую это означает, что многие из тех тем, которые мы с вами сейчас обсуждаем, не попадают в топ пять главных приоритетов. Политически это усложняет задачу привлечь к ним необходимое внимание. Хочется надеяться, что активные политические дискуссии и выборы в стране помогут пролить свет на некоторые из этих вопросов и позволят провести столь необходимое обсуждение ключевых проблем безопасности.

Вице-президент Центра анализа европейской политики (СЕРА) Кристофер Уокер во время интервью RFE/RL

– Вернемся к отношениям между Путиным и Си. Вы охарактеризовали их как невероятно близкие. Задаст ли это тон тому, как выстраивается сотрудничество с такими странами, как Иран, Северная Корея и, возможно, другими партнерами?

– Думаю, да. Полагаю, что инициатива здесь принадлежит Китаю: именно он задает тон и, по сути, демонстрирует на практике, как можно управлять государством, ограничивая или подавляя политические права, и при этом добиваться экономического развития. Стоит отметить, что в настоящее время экономическая ситуация в самом Китае довольно сложная — по целому ряду причин. Этому уделяется недостаточно внимания. Но, на мой взгляд, сам факт солидарности между двумя ведущими авторитарными державами, а также наличие значимого сотрудничества и связей с такими странами, как Северная Корея, Иран, Беларусь и другие — все это служит сигналом о существовании

своего рода сети солидарности среди диктаторских режимов, готовых прийти на помощь друг другу.

"Использование "чужих лодок" для распространения своих идей за рубежом"

– Как лучше всего противостоять такому блоку авторитарных стран? С помощью экономических мер или политических? Наверное, речь не идет об исключительно военных средствах. Как должно выглядеть сочетание этих подходов?

“ Россия ежегодно тратит сотни миллионов через госСМИ, подставные структуры, посредников, лидеров мнений...

– Вы затронули несколько важных аспектов. Единого подхода или стратегии, способной в одиночку ответить на этот вызов, не существует. Конечно, на базовом уровне, необходима солидарность между демократическими государствами, которые сталкиваются с нападками и агрессивными

действиями со стороны этих диктатур. Кроме того, крайне важно уделить внимание сфере информации и идей. Это аспект деятельности этих режимов, которым они занимаются уже долгое время, но который зачастую недооценивают.

По многим оценкам, Китай ежегодно вкладывает миллиарды долларов в развитие своих внешних коммуникационных возможностей. Россия, по разным оценкам, ежегодно тратит сотни миллионов через государственные СМИ, подставные структуры, посредников, лидеров мнений и так далее. Таким образом, эти крупные державы, которые, стоит отметить, сами подавляют свободу слова внутри своих границ, проявляют огромную активность и энтузиазм, стремясь влиять на информационное пространство за пределами своих стран. Свободным обществам следует принять это к сведению.

Если мы восстановим логику действий этих лидеров, становится ясно: они считают это направление по-настоящему важным. На мой взгляд, это критически значимый вопрос: наши страны смогут защитить свои ценности и стратегические интересы только в том случае, если сами начнут уделять этой сфере должное внимание и вкладывать в нее серьезные ресурсы.

– И кто тратит больше – мы или они?

– Очевидно, что они тратят больше нас. Только взгляните на инициативы и инвестиции, которые осуществляют страны в трансатлантическом пространстве. Проблема касается не только США, насколько я понимаю, в Германии, Франции и Великобритании бюджеты на то, что я назвал бы "критически важной информационной инфраструктурой" –

общественные вещательные компании, международные СМИ, — в последние годы вовсе не растут. А ведь это совсем не та динамика, которая нам нужна. Страны, подавляющие свободу выражения мнений, напротив, наращивают свои международные инвестиции. У нас же показатели идут вниз. Ничего хорошего в этом нет.

Читай нас в Телеграме

ПОДПИСАТЬСЯ

– Возвращаясь к теме "теневой войны". Средства, о которых вы говорите — те, что тратят Китай и Россия, — очевидно, частично идут на финансирование государственных СМИ с вполне определенной повесткой, но также направляются и на скрытую дезинформацию.

“ Масштабный комплекс инвестиций и инструментов, которые они применяют по всему миру

– Что касается Китая, то здесь речь идет о стратегическом использовании информации в самом широком смысле. Безусловно, их государственные СМИ — CGTN, "Международное радио Китая", "Синьхуа" — хорошо известны, это их традиционная

инфраструктура. Но, как вы верно заметили, их информационная инфраструктура многослойна: она включает в себя приобретение зарубежных медиаресурсов, использование — как они сами это называют — "чужих лодок" для распространения своих идей за рубежом, а также привлечение местных лидеров мнений в ключевых регионах. В результате то, что по сути является посланием и предпочтением политического руководства в Пекине, преподносится как голос местных жителей. Это масштабный комплекс инвестиций и инструментов, которые они применяют по всему миру.

ЧИТАЙТЕ ДАЛЕЕ ПО ТЕМЕ:

- "Путин становится все более изолированным, а это опасный признак".
Маргарет Макмиллан – о вероятности Третьей мировой
- "Это подарок для Кремля". Могут ли США ослабить санкции против
российского теневого флота?
- Сенатор США Джин Шахин об "адских санкциях": "Путин обманывает
администрацию Трампа, потому что считает, что может просто ее
переждать"
- "Суда не должны менять флаги ради удобства". Почему США захватили
танкер Maripera и что известно о смене флагов "теневого флота"
- Журналисты-расследователи проследили маршруты 19 нефтяных
танкеров российского "теневого флота" – они ведут в Грузию. Власти это
отрицают
- 160 тысяч камер на московских улицах и опыт Китая. Как устроена
русская сеть наблюдения за людьми
- Как Иран и Россия сотрудничают в области двойных технологий.
Расследование "Системы"

МАТЕРИАЛ ИЗ РАЗДЕЛОВ:

Интервью

Россия

Америка